

ТОТ САМЫЙ СКЕПТИК

Трег - 1994 - 7 мая - С. 7.
Сегодня Льву Аннинскому исполняется 60 лет

Даже в то недавнее время, когда «эта страна» была «самой читающей страной в мире», критики сетовали на то, что к их просвещенному мнению прислушивается почему-то не самая большая часть любителей словесности. Сетовали, правда, не все. Лев Аннинский, например, даже удивлялся тому интересу, который публика проявляла к писаниям его и его коллег. И вот, можно сказать, доудивлялся. После небывалого критического бума вокруг ранее запрещенных произведений, всплывших на волне гласности, настали совсем иные времена. Не только для критики — существование литературы как таковой (во всяком случае в традиционных формах) сегодня многим представляется проблематичным.

Однако при том, что резко переменились декорации, многие прошлые «властители дум» ушли в тень, уступив место новым, все же остались авторы, чьи работы ныне, как и прежде, продолжают вызывать живой читательский, человеческий интерес. Их немного. Один из них — тот самый скептик Лев Александрович Аннинский, которому сегодня исполняется 60 лет.

Кажется, он перешагнул из одной реальности в другую, из той, советской эпохи в эту, которой и названия-то не подобрать. Перешагнул легко, без особых усилий и видимых по-

терь. Скажете: умело перестроился. Ничуть не бывало. Подозреваю, и в мыслях такого не держал. Конечно, сегодня появилась возможность что-то выговаривать четче. Но решающего значения это не имело: и в прошлые годы Аннинский находил способы доводить свою мысль до читателя.

И пишет он все о том же. Не верите?.. Снабжем, в начале семидесятых вышла книга Аннинского «Как заикалась сталь» Николая Островского». А в текущем году — статья о Павле Корчагине, где критик размышляет на тему: смог ли бы Павлик сегодня стать политическим менеджером? Каков ход мысли! Я не только о свежей публикации, но и о старой работе, поразившей тогда именно неожиданностью, парадоксальностью подхода и хрестоматийному герою, к набиравшему оскоминам еще в школе роману: Корчагин, как наш национальный тип, как закономерный «эталп вневременной российской истории».

Двадцать лет назад это, конечно, впечатляло. Но сегодня, когда парадоксализм, экстравагантность едва ли не обязательное условие литературного творчества и поведения, чуть ли не основной способ привлечения внимания к себе?.. В том-то и дело, что как теперь, так и тогда чувствовалось: нестандартность мышления, неожиданность логических ходов, критика глубоко органичны, чужды стремлению к чисто внешним эффектам

и зпатажу. За этим угадывалась серьезность намерений пишущего, его неслучайная обращенность к «последним», «проклятым» вопросам бытия.

Но это, кажется, предполагает этукую угрюмость, надмирность, воспарение от грубой реальности... Однако Аннинский выбивается и из этого стереотипа. Пишет он легко и, я бы сказал, весело, он необычайно контактен («Контакты» — так называется одна из его книг). Чутко ко всему, в чем угадывает «душу живу». А что касается «надмирности», то его способность к черновому, рутинному труду просто удивительна: взгляните хотя бы на список фильмов, приведенный в конце книги «Лев Толстой и кинематограф», которые пришлось посмотреть автору в ходе работы...

Произведения, запечатлевшие линии ускользающего времени, — знаки, свидетельства общей духовной реальности. Именно это — духовная ситуация эпохи в ее динамике, самочувствие личности во всем разнообразии проявлений — главная тема критика. О чем бы он ни писал — сегодня и тридцать лет назад. А писал он о разном: об «исповедальной» прозе, о писателях — «деревенщиках» и «горожанках», о поэтах-фронтовиках, о литературах народов — тогда еще СССР, — о Лескове. Писем, сном, Мельникове-Печерском, Фете, о кино, театре, живописи, фотографии, о литературных поколениях, о новой, «пе-

рестроечной» периодике и многом, многом другом.

Сегодня логическим продолжением размышлений критика над своей сквозной темой стал телевизионный цикл «Уходящая натура». Это смелая попытка подвести некоторые предварительные итоги нынешнего века. Вот и телевизионной звездой стал Лев Александрович. Впрочем, ничего удивительного в этом нет — такие загаги в его натуре...

Напоследок — цитата: «Во всяком человеке есть жажда исповеди. Писатель исповедуется, «взглянув на пепельницу» (помните Чехова?). Я исповедуюсь, прочтя... чужой текст... Читатель меня прочтет, захочет мне в ответ раскрыться — вот и все мое счастье».

Счастья вам, Лев Александрович!

Александр НЕВЕРОВ.
Фото Николая КОЧНЕВА.